

Шла жестокая война. Мужиков в деревне почти не осталось. Бабы, подростки да несколько стариков работали от зари до зари и каким-то чудом еще умудрялись вести свое хозяйство. Без живности и огорода было не выжить. Случалось, что в деревне появлялись городские меняльщики. Они предлагали вещи, в основном одежду и обувь, в обмен на продукты. Видимо, в городе жизнь была еще тяжелей. Иногда деревенские девки ходили на станцию или даже ездили в город, чтоб продать молоко, сметану, творог, мясо, ведь в колхозе не платили денег, летом даже совсем маленькие девчонки и пацаны занимались сбором ягод и грибов на продажу. Но вот стали поговаривать, что на лесной дороге кто-то озорует и отбирает у людей продукты.

Мы с другом Афонькой перешли в шестой класс, и надо было где-то раздобыть деньги, чтобы купить учебники. В школе давали только по две-три книги.

Набрав по туеску спелой крупной земляники, мы собрались на пристанционный рынок, но нас остановил Афонькин дедушка. Он только что приехал со станции и был очень взволнован.

– Вот до чего дожили! Вот до чего докатились! – возмущался он.

– Да ты расскажи толком, – вмешалась Афонькина бабушка.

– Еду я, еду – начал рассказывать дед, – уж до Осиновки версты три осталось. Ну там, где лес близко к дороге подходит. Вдруг мне показалось, что кто-то кричит. Я остановил лошадь, прислушался – женский голос просил о помощи. Я слез с телеги и шагнул к лесу. Вдруг из-за кустов выбежала совершенно голая женщина. Пробежав мимо меня, она

вскочила в телегу и схватилась за вожжи. Чтоб не остаться без лошади, я тоже поспешил запрыгнуть в телегу, и мы погнались. Из лесу выбежал мужик с черной бородой, но, увидав меня, тут же скрылся. Молодую женщину трясло то ли от страха, то ли от холода. Она сквозь слезы благодарила меня и называла дядей Мишей. Я снял плащ и велел ей одеться. Оказалось, это учетчица Манька из Осиновки.

– Ты что, старый пень, – удивилась бабушка. – Маньку, свою родственницу, не узнал?

– Не узнал, не узнал! – рассердился дед. – Я же голой не видал ее. Хотела она молоко да творог продать. Девка нынче у нее в школу пойдет, надо одеть да обуть во что-то.

– Мужик-то ее уж полгода не пишет, – вставила бабушка, – поди, убит.

– Так вот, – продолжил дед Миша, – на лесной дороге из-за кустов выскочил мужик, схватил ее и поволок в лес. Манька царапалась, кусалась, а он, как зверь, рвал на ней одежду. Она уже не жалела разбросанные бидоны, горько и обидно было, что это лесное чудидце так жестоко обращалось с ней. Услыхав скрип телеги, она чудом вырвалась и побежала к дороге. Вот до чего дожили! Не ходите, ребята, на станцию.

Мы с Афонькой, конечно, страшно расстроились, ведь у нас рушились все планы. Потом решили на рынок все-таки идти, только на следующий день рано утром, когда на дороге больше народу и даже едут подводки. Туески с ягодами до завтра спустили в погреб.

Получилось так, что по лесной дороге мы шли одни. Конечно, лес нас пугал, но все обошлось. Ягоды продали быстро, а на обратном пути нам повезло, полдороги мы ехали на лошади.

У нашей деревни дорога шла тоже по лесу, но всё было знакомое, тут мы часто собирали грибы и ничего не боялись, но в этот раз нам что-то было не по себе.

– В лес надо с наганом ходить, – сказал я.

– А где его взять? – удивился Афонька.

– Самим сделать – настаивал я, – если не наган, так хотя бы обрез.

– Обрез? – переспросил Афонька и тут же добавил: – У нас где-то сломанное ружье валялось.

Ружье оказалось совсем допотопным, к тому же, ствол у него был весь изогнут, а приклад расколот. Всё было покрыто ржавчиной и ничего не двигалось. Мне захотелось выбросить эту рухлядь, но я нашел у отца какое-то масло, все обильно смазал и спрятал за кузницей.

Пришло долгожданное письмо от брата Степана. Он писал, что ранен и лежит в госпитале. Письмо почему-то шло очень долго, а вслед за ним пришла телеграмма, в которой брат сообщал, что едет на побывку, и просил встретить.

Встречать поехали мы с Афонькой. Поезд немного опаздывал. Стало темно. Волнуясь, мы мотались по слабо освещенной платформе.

Наконец, показался поезд. Я встал под фонарём, а Афонька побежал вдоль состава. На подножке одного вагона я увидел военного с костылями в руках. Лица не было видно, но я почувствовал, что это Степа, и бросился к нему.

– А, братишка, привет! – сказал он. – Держи-ка мои ходули и мешок.

Крепко ухватившись за поручень, брат плавно спустился на землю и обнял меня.

– Ну, как вы тут поживаете? – спросил он, забирая костыли.

– Живем нормально, – бодро ответил я.

– А я вот оплошал, – виновато сказал он, – но ничего, в родном доме быстро поправлюсь.

К нам подбежал Афонька, Степа не сразу узнал его.

– Как вы выросли! – удивлялся он и, смеясь, спросил: – Ну, где ваш кабриолет?

Всю дорогу мы расспрашивали фронтовика о войне, а он все отшучивался. Я попросил рассказать, как его ранило.

– Так ведь пуля – она дура, летит, не знает куда, – шутливо начал брат, – а я рот разинул, не увернулся, бац – и нога пополам. Но ничего, кость уже срослась. Недельки две суставы поразминаю, хромать перестану и опять на фронт.

– А ты разве не насовсем? – удивился Афоня.

– Насовсем, ребята, будет потом, когда полностью разобьем этих гадов.

– А не страшно воевать? – спросил я.

– Конечно, страшно, – вздохнув, ответил Степа. – Врут те, кто говорят, что не боятся.

Очень страшно, а что делать? Все равно надо Родину защищать.

– А ты наган привез? – спросил я, когда мы проезжали через лес.

– Какой наган? – удивился брат.

– Да тут у нас разбойники появились, – сообщил я, и мы с Афонькой стали наперебой рассказывать о безобразиях на дороге.

– И никто не может их поймать? – спросил брат, выслушав нас.

– Манькина мать жаловалась в милицию, но бесполезно, – сказал Афонька и добавил:

– А в Осиновке коза потерялась.

– У нас на Студеной пастухи видели подозрительного бородатого рыбака, – доложил я.

– Ну ладно, разомну ногу, и разберемся, – пообещал Степа, – а оружие только на войну дают. Домой его нельзя.

Восток уже улыбался нежным румянцем, когда мы добрались до дому. Мать от радости залилась слезами. Отец для порядка прикрикнул на нее и невесть откуда достал бутылку водки. Мы с Афонькой плотно поели, прилегли на кровать и, молча прислушиваясь к разговору за столом, скоро заснули.

Степан настойчиво разминал ногу, кругами ходил по двору, стараясь меньше опираться на костыли. По совету Афонькиной бабушки запаривал в бане сенную труху, грел ногу и снова массажировал. Из черемухи он вырезал красивую тросточку. Попробовал пройти с ней и пошутил:

– Ну, теперь осталось сменить галошу на сапог и можно идти на вечерку.

Наш отец работал в кузнице. До войны ему помогал Степа, потом пришлось помогать мне, правда, тяжелый молот мне был не под силу, и отец сделал специально для меня инструмент полегче.

Мы с отцом ковали тележную ось, когда в кузницу зашел Степа. Понаблюдав с минуты, он взял тяжелый молот, отложив тросточку, и давай играючи лупасить по раскаленной железке. Отец, улыбаясь, поворачивал ось и маленьким молоточком показывал, куда надо ударять. От наковальни Степа перешел к горну и стал качать меха.

– Что, соскучился? – спросил отец.

Степа кивнул головой и, посмотрев на меня, сказал:

– Слушай, Тимофей, ты, кажется, за грибами собирався? Хочу жареху поесть.

Я понял, что меня уволили, и побежал к Афоньке. Проверив опушки леса, мы быстро набрали по корзинке обабков с красноголовиками и уже с полными корзинками напали на плантацию белых. Пришлось делать ревизию и выбрасывать переросшие обабки.

– Какие красавцы, как на витрине! – сказала Афонькина мать, когда мы пришли домой.

– Может, правда, продать их? – предложил я.

– Съездить бы в город, да как добраться к поезду? – задумчиво сказал Афонька.

Нам повезло: в город ехал председатель, и его провожали на лошади. В городе мы быстро продали грибы, купили на базаре несколько учебников и тетради. Посмотрели в настоящем кинотеатре классное кино «Она защищает Родину» и пошли на вокзал ждать поезд. Там развернули взятую из дома еду и первый раз за день поели. Яйца, лук и огурцы с хлебом нам показались необычайно вкусными.

Как-то зашла к нам Манька из Осиновки.

– На ловца и зверь бежит, – сказал Степа. – Ты мне очень нужна.

Манька застеснялась и никак не хотела проходить от порога. Степа взял ее за руку, провел к столу, усадил на лавку, сам устроился на табуретке и спросил:

– Ну, рассказывай, как ты живешь?

– Живу, как все. Радости мало. Вот Коля уже полгода не пишет. Может, видел его где-нибудь? – спросила гостя и сквозь слезы добавила: – Прямо не знаю, что делать.

– Нет, Маня, с Колей встретиться мне не довелось. На войне всякое бывает. Все равно надо ждать, как в той песне: «Жди меня, и я вернусь, только очень жди...»

Манька хотела встать и уйти, но Степа придержал ее и сказал:

– Расскажи, Маня, что с тобой стряслось на лесной дороге?

– Посмеяться хочешь? – сказала Манька и снова попыталась встать.

– Что ты! Совсем наоборот, – сказал Степа, удерживая ее. – Ну-ка, Тимка, иди погуляй, у нас тут взрослый разговор.

Я, конечно, обиделся, но вышел во двор. Через полчаса, провожая Маньку, Степа сказал:

– Значит, сердце со стрелой. Такую наколку я у кого-то видел, может, вспомню. Ладно, разберемся. Спасибо, что зашла.

– Ну, кажется, пора действовать, – решил Степа, усаживаясь на ступеньку крыльца.

– Что ты надумал? – спросил я.

– Завтра рано утром выпросишь у дяди Миши лошадь и свезешь меня на Студеную, хочу рыбку половить. Ты не знаешь, где у нас снасти?

До вечера мы готовились к секретной операции: проверили снасти, подобрали специальную одежду. Еще облюбовал Степа дедушкину железную трость с деревянной ручкой.

Рано утром по нашей просьбе нас разбудила мама. Выпив молока, я побежал за лошадью. Дядя Миша даже не спросил, для чего лошадь, только удивился, что в такую рань. Дома меня ждал старик в драном плаще и холщевых шароварах. На голове у него была лохматая шапка из бараньей шкуры, ноги были обуты в лапти, а на боку висела выдавшая виды холщовая сумка. В одной руке у старика были удочки, в другой – железная трость.

Есть на речке Студеной красивейшее место. Играя на солнце, струит там свои воды речка через говорливые перекаты, а на крутом берегу, словно стражники, стоят стройные сосны с золотистыми стволами. Ниже переката глубооченный омут с плакучими ивами. Это красивое место было богато рыбой: одним везло на перекатах, другим – в омуте. Без рыбы никто не уходил.

Не доехав до этого места с полкилометра, Степа остановил лошадь и слез с телеги.

– Всё, – сказал он, – поворачивай домой, а вечером приедешь на это же место в восемь часов. Понял?

– Понял, – ответил я, – но как ты один?

– За меня не волнуйся, я ведь все-таки разведчик, – сказал он и, сгорбившись, как старик, заковылял по лесной дороге.

Время в этот день тянулось страшно медленно. Наконец, я дождался вечера и поехал за братом, а он уже шел мне навстречу. Плащ и шапку он нес подмышкой.

– Ну как? – спросил я.

– Вот, – ответил он и открыл сумку, в которой чуть не до верху была крупная рыба.

– Я спрашиваю про разбойника, а ты мне рыбу суешь, – удивился я.

– Никакого разбойника я не знаю. Я рыбу ловил, – сказал Степан, усаживаясь в телегу.

Я обиделся и всю дорогу молчал. Брат тоже молчал, но о чем-то сосредоточенно думал. Я никак не мог понять, зачем надо было так наряжаться?

Когда, наевшись жареной рыбы, мы с братом легли спать в сених, он обнял меня, вздохнул и шепотом сказал:

– Не сердись на меня, братишка. Я сам не знаю, прав ли я.

– Почему? – удивился я.

– Представь, что ты уже вырос и попал на войну, – продолжал он. – А помнишь, я рассказывал, как там страшно. Допустим, что ты не выдержал и покинул поле боя. За это грозит расстрел. Где ты попытаешься спастись от этой кары?

– Не знаю, – прошептал я, пожимая плечами. Степа глубоко вздохнул и продолжал:

– Конечно, в родных краях, возле мамки. Каким бы ни был сын трусом, воров, бандитом, все равно мать поможет и постарается спасти.

– Слушай, – перебил я, – ты к чему все это говоришь?

– А к тому, что рыбу ловил я рядом с разбойником.

– И ты его не поймал? – спросил я.

– Сначала я хотел его задушить и бросить в омут, а потом пожалел.

– Как пожалел? – удивился я.

– А вот так. Только пожалел я не Петьку-дезертира, а его мать.

Я ничего не понимал и засыпал брата вопросами:

– Какого Петьку? Какую мать?

– Пожалел я тетю Лизу – спокойно продолжал Степа. – На мужа она уже получила похоронку. Остался у нее один Петька, который каким-то чудом сбежал с фронта и укрывается от правосудия. Кончится война, может, помягче будут законы, явится Петька с повинной, посадят его лет на десять, но оставят живым, и будет кому в старости позаботиться о тете Лизе.

– А сейчас, значит, ему можно грабить? – возмутился я.

– Он у меня в ногах валялся, клялся, что никого пальцем не тронет, и умолял не выдавать его.

– И ты поверил?

– Если что, так я ведь его из-под земли достану.

Несколько минут мы лежали молча.

– Теперь самое главное, – сказал Степа: – За укрывательство дезертира и меня могут привлечь к ответственности, поэтому никому – ни родителям, ни Афоньке – ни слова об этом.

Я пообещал молчать, как партизан, а потом поинтересовался, зачем он наряжался стариком?

– А разве мог бы я, хромой, догнать здорового разбойника? – ответил брат вопросом на вопрос. – А так мы с ним битый час из одного омота рыбку дергали. Он, прячась за бородой, наблюдал за мной, а я, прикрывшись мохнатой шапкой, за ним. Когда я достал кiset и закурил махорку, он не выдержал и, подойдя ко мне, попросил закурить. Я подал ему кiset с бумагой и тут увидел на протянутой руке татуировку: сердце, пронзенное стрелой. Меня словно током ударило, сразу в рыбаке признал Петьку. В мохнатой шапке мне и так было жарко, а тут по моему лицу потекли целые струйки. Я не выдержал и сбросил ушанку. Глаза у Петьки сделались квадратными, руки затряслись. Он выронил кiset и хотел сигануть, но я схватил его за шиворот.

Степа съездил на комиссию, и через неделю мы снова провожали его на фронт. Мать залилась слезами, а бравый солдат успокаивал ее:

– Ничего, мама, мы теперь научились воевать. Скоро такого шороху дадим, что побегут фрицы до самого Берлина.

Письма от брата приходили бодрые. Он описывал, как освобождали село за селом, город за городом. Потом молчок, и... похоронка. Мать выла не одну неделю. Отец стал замкнутым, ходил мрачнее тучи.

Снова пришло лето, и опять на лесной дороге стало беспокойно. Я вспомнил о ружье. Несколько дней чистил его, смазывал, ковырял отверткой, даже колотил молотком.

Наконец, детали этого древнего оружия начали двигаться. Афонька принес три позеленевшие гильзы. Они оказались от этого ружья. Перед войной Степа от кого-то принёс двустволку и сам заряжал патроны. Я порылся в его ящике и нашёл там пять патронов, но они были большего калибра и к нашему ружью не подходили. Мы разрядили один патрон, уменьшили количество пороха, дробы и собрали патрон для нашего ружья. Очень сложно и опасно было переставить пистон, он никак не хотел выниматься. Прежде чем стрелять из ружья, я отнял у него расколотый приклад и привернул удобную рукоятку, выстроганную из липового полена. В кузнице ножовкой по металлу я обрезал изогнутый ствол. Теперь у меня в руках уже было не ружье, а наган. Испытывать новое оружие мы с Афонькой отправились в ближайший лес. По жребию выпало стрелять Афоньке. Он навёл оружие на высокий пенёк, стоящий метрах в трёх, и нажал курок. Я очень сомневался, что наш наган сработает, но выстрел прогремел. Мы подскочили к пню и увидели множество неглубоких ямок.

– Мало пороху, – заключил я, и мы побежали снаряжать другой патрон. Было уже поздно, и испытывать второй патрон мы стали за черемухой в дальнем углу нашего огорода. Вместо мишени я поставил старую широкую доску. При выстреле была такая отдача, что я еле удержал наган. Подняв упавшую доску, мы увидели в ней дыру величиной чуть не с блюдце.

– Ура! – закричали мы и запрыгали от радости.

Когда поспела земляника, мы с Афонькой, как и в прошлом году, решили торгаться. Для безопасности мы взяли с собой наш наган. Я засунул его за ремень, а рубашку сделал навыпуск. После Осинówki Афоньке тоже захотелось понести оружие. Ремня у него не было и он засунул наган за опушку штанов.

– Я пойду сюда и буду тебя охранять, – сказал Афонька.

– Ну, охраняй, – согласился я, а сам стал внимательно вглядываться в ближайший лес.

Вдруг мой охранник заорал диким голосом. Я в испуге оглянулся и... чуть не умер от смеха.

Афонька стоял без штанов. Нет, они у него были, только не на положенном месте, а лежали внизу на ботинках. Чтоб не запутаться в них и не упасть, он растопырил руки с тусками. Наган валялся на пыльной тропинке. Я поставил свою поклажу, поднял наган и, сдувая с него пыль, заворчал:

– Разве так обращаются с оружием?

– Пуговица отпала, – сказал в оправдание Афонька, поставил туски с земляникой и поднял штаны.

Пуговицу мы нашли, но пришить её было нечем. Я дал другу свой ремень, но мои брюки были широки в поясе и поползли с моей осиной талии. Ягоды у меня были в одном большом тусе. Ещё я нес сумку с двумя стаканами и пачкой газет для кулёчков. Я достал газеты и сунул их за пояс, брюки перестали сползать. Наган я Афоньке больше не доверил, а завернул в лопух и положил в сумку. Перед станцией мы нашли тоненькую веревочку. Я поспешил забрать у Афоньки ремень, а его штаны затянули веревкой.

Ягоды мы продали и вернулись домой уже без приключений. Меня очень занимал вопрос, где скрывается Петька. Мы с ребятами ходили рыbachить на Студеную и там, в лесу, случайно нашли шалаш, но бородастого рыбака не видели. Раза два темными вечерами я подкрадывался к избе Петькиной матери и подолгу слушал под окнами. Кроме голоса тети Лизы, ничего не было слышно. Сначала я думал, что она с кем-то разговаривает, а потом понял, это она молилась Богу. Вдруг я вспомнил, что до войны мы дразнили Петьку и Фиску: «Тили-тили тесто, жених и невеста». Может, правда у них что-то было?

У Фиски умерла мать, потом сгорела изба. Ее поселили в бывшем клубе вместе с эвакуированными. Москвичи недавно уехали, и теперь она жила одна. Я стал присматриваться к её дому и заметил, что по вечерам она не зажигала свет. Уж у неё-то должен быть керосин, она ведь на складе работает. Один раз я увидел, как Фиска уже темно шла домой.

«Неужели и сегодня она не зажжет лампу?» – подумал я и последовал за ней. Фиска зашла во двор, а я бесшумно перелез через изгородь, осторожно подошел к избе и присел под окном. Свет не загорелся, но Фиска резво топала по избе и что-то бормотала. Потом хлопнула дверь. В сенях закрипели половицы, но и в избе не прекратилось движение. Вдруг меня опажнуло табаком. В груди так заколотилось сердце, что казалось, вот-вот выскочит. Стараясь успокоиться, я стал соображать, кто бы это мог быть. У нас в деревне курил только председатель, но он был стар и не мог по ночам ходить в гости к молодым женщинам. Еще баловался куревом Коля Привет – чеканутый парень лет семнадцати, так и не осиливший начальную школу, но я видел его только что возле правления. Наш Степа до войны тоже не курил, а вот когда был на поправке, во всю дымил сначала «Беломором», а потом махоркой. Тут я вспомнил, что Петька попался Стёпе, когда попросил у него закурить. Сомнений не было – это был он.

Ночи стали совсем холодными, а по утрам все серебрилось от инея. Но когда выглядывало солнце, словно слизывая языком иней, становилось тепло, и можно было ходить в одной рубашке. Чтoб сэкономить сено, всё еще выгоняли на пастбище деревенское стадо. За день животные хорошо наедались, ведь теперь ни пауты, ни мухи их не донимали.

Как-то под вечер пришел я от Афоньки, а мать мне и говорит:

– Сходи-ка, поищи, овца где-то заблудилась.

Я удивился, но пошел. Баран, случалось, увязывался за чужими овцами, но чтоб овца не пришла домой, такого еще не бывало. Пройдясь по всей деревне, я побежал на луга, где обычно пасли стадо.

Уже начало темнеть, когда я, обегав все луга и перелески, направился домой. Вдруг мое внимание привлек шум сорок и ворон в ближайшем лесу. Мне было страшновато идти в полутемный лес, но я все-таки пошел. При моем появлении с одной полянки взлетело больше десятка птиц. На примятой траве я увидел овечью голову. Страх окончательно овладел мной, и я припустил бегом из лесу.

– Может, завтра появится, – успокоил я мать, хотя был уверен, что овцу зарезал Петька.

Отец уже спал. Я, бегая по лугам, устал и тоже хотел лечь спать, но мать вдруг начала всхлипывать, а потом запричитала:

– Ухаживали-ухаживали, растили-растили, и на тебе, потерялась. Нет, это уж точно кто-то украл её.

Я не выдержал, надел пиджак и вышел на улицу.

«Всё, хватит, надо разделаться с этим гадом!» – решил я и достал из-под крыльца наган.

Света у Фиски опять не было, но даже на улице было слышно, что в избе кто-то разговаривает.

Перебравшись через забор, я на всякий случай открыл ворота и только потом поднялся на крыльцо. Сени были заперты, но я хорошо помнил то время, когда тут был клуб. Ребята постарше выгоняли нас и закрывали двери на деревянный засов, а мы нашли щелку, просовывали туда руку, отодвигали засов и, к удивлению старших, снова появлялись в клубе.

Я нашел эту щель, но моя рука туда уже не влезала, хотя я пальцем дотрагивался до гладкой палки. Поплевав на палец, попытался сдвинуть её. Сначала ничего не получалось, потом вдруг палка немного поддалась. Минут через пять дверь все-таки открылась. Пройдя на ощупь по сеням, я с трудом нашел скобу дверей в избу. Поправив наган, я резко рванул скобу и так же резко вошел в освещенную лампой избу. Фиска и бородатый Петька, я его узнал сразу, сидели за праздничным столом, на котором стояли наполовину выпитая бутылка, стаканы и большая сковорода с вкусно пахнущим жареным мясом. Все окна были завешаны одеялами, половиками и другими тряпицами.

– Что, пируете? – сказал я, подойдя ближе, и пристально посмотрел на Петьку.

Глаза у него стали квадратными. Он повернулся к Фиске, что-то хотел сказать, но, видимо, лишился дара речи.

– Ты что, забыл, что обещал Степану? Забыл, как валялся у него в ногах? – начал я, все повышая голос. – Люди, проливая кровь, защищают Родину, а ты, трусливый дезертир, прачешься за бабы юбки и воруеть у своих же соседей!

Испуганная Фиска сжалась в маленький комочек и моргала слезящимися глазами. Петька пытался что-то сказать, потом дрожащими руками налил полстакана водки, протянул мне и, наконец, выговорил:

– Ты че шумишь? Давай поговорим.

– Поставь на стол, – пренебрежительно сказал я. – У меня с предателями Родины разговор один! – заключил я и выдернул из-под пиджака свой наган. Видимо, я был в таком взвинченном состоянии, что даже не почувствовал, как нажал на курок. Когда дым немного рассеялся, я увидел совершенно дикие Петькины глаза, раскрытый рот и с растопыренными пальцами руки, прижатые к груди. Из-под пальцев просачивалась кровь.

– Что ты наделал? – прохрипел он и упал рядом со столом.

– Убили! – закричала Фиска и, захватив голову, бухнулась на кровать.

Я шел домой по тёмной улице, а в моей груди kloкотал настоящий вулкан чувств: то я считал себя героем, уничтожившим предателя-дезертира, занимающегося разбоем, то мне становилось стыдно, страшно, и я начинал жалеть несчастного Петьку, который родился и вырос в нашей деревне. Сунув оружие под крыльцо, я вошел домой, молча разделся и полез

на полати. Голова моя раскалывалась от водоворота мыслей. Вдруг, словно что-то перегорело, мой мозг выключился, я как будто куда-то провалился и моментально заснул.

Утром мне не хотелось просыпаться. Был воскресный день, и я старался как можно дольше не включаться в реальную жизнь, но меня разбудили. За столом сидел следователь. На нем была военная гимнастерка. Вместо левой руки нелепо болтался пустой рукав.

– Ну, рассказывай, что ты вчера натворил? – сказал отец, вставая с табуретки, стоящей перед столом.

Я, словно на уроке, начал бойко рассказывать о том, как вся страна поднялась на защиту Родины, как наши доблестные воины, не щадя собственной жизни, бьются с проклятыми фашистами.

– Мы это и без тебя хорошо знаем, – перебил меня следователь, – ты лучше покажи, из чего стрелял.

Мне было жаль свой наган, но пришлось принести.

– Где же ты раздобыл такую пушку? – удивился следователь.

– Сам сделал из сломанного ружья, – признался я.

– Я же видел эту ржавую рухлядь и совсем не подумал, что из неё можно стрелять, – вставил отец.

– Недоценили вы способности своего сына, Григорий Степаныч, – пошутил следователь и спросил у меня:

– Как же ты обнаружил этого Петра?

Мне хотелось рассказать, как еще Степа ловил дезертира, но, вспомнив разговор с братом, я сказал, что сам еще летом выследил его на речке.

– Что же ты тогда не расправился с ним? – поинтересовался следователь.

– Тогда не было вещественных доказательств, – пояснил я.

– А сейчас?

– Сейчас этот гад совсем обнаглел, с войны сбежал, а мирное население грабит, – с возмущением сказал я.

– А доказательства где? – настаивал следователь.

– Он водку жареной бараниной закусывал. Мы ищем овцу, а он устроил себе пир.

– Но ты хоть понимаешь, что наделал? – докапывался следователь.

– Я расправился с предателем Родины! – гордо ответил я.

– Это самосуд! Надо было в милицию заявить! – кричал следователь.

– Вам ведь заявляли, когда он Маньку изнасиловал, а вы и пальцем не пошевелили, – сказала шошедшая мать.

– Ладно, Тимофей, пойди пока на кухню, а мы тут кое-что обмозгуем, – сказал следователь.

Потом меня позвали и строго-настрога наказали, чтобы я никогда никому ничего не говорил о случившемся. Я вынужден был молчать и даже не знаю, кто и как хоронил Петьку.

Зимой к нам в школу приехала какая-то комиссия, и пятерых из нашего класса забрали в школу ФЗО. Я стал каменщиком.

Кончилась война. Надо было восстанавливать Украину. Потом Волго-Дон, новостройки Сибири, Целина. Там завел свою семью. Родители мои друг за другом ушли в мир иной. С Афонькой виделись очень редко, но постоянно переписывались. Возвращаясь из служебной командировки, я решил навестить родные места и, конечно, встретиться с Афонькой.

«Пазик» шел через Осиновку, но мне посоветовали сойти подальше на развилке, отсюда до нашей деревни рукой подать. Из автобуса вышла группа подростков. Я пытался кого-нибудь узнать, но, увы, этот народ вырос без меня. Веселая компания направилась в деревню, а я свернул на кладбище и быстро нашел могилы родителей. Кресты недавно покрашены, кругом чистота и порядок – это Афонька с Ниной заботятся. Прошел я и мимо Петькиной могилы с маленьким крестиком, который выковал и поставил мой отец.

Вот и родная улица. Вместо нашей избы стоит новый дом дачного типа с несурзадной, не вписывающейся в деревенский пейзаж крышей. Я направился к другу, но вдруг свернул в проулок, где жила тётя Лиза. Повернув кольцо в воротах, я вошел в ограду. На скамейке у крыльца сидела сухонькая старушка. Из-под темного платка торчали совершенно белые волосы.

– Здравствуйте, тётя Лиза! – сказал я, подойдя к старушке.

– Здравствуй, добрый человек! – ответила она, подняв голову. – Я ведь почти не вижу.

Кто ты будешь?

– Я Тимофей, тётя Лиза, сын кузнеца Григория Степановича, – пояснил я.

– А, Тима, давно тебя не было.

– Как поживаете? – спросил я, не найдя лучших слов.

– Да вот маюсь, никак умереть не могу, – тихим голосом отвечала она.

– Тётя Лиза, снимите, пожалуйста, камень с моего сердца, простите меня за Петра, – сказал я, встав на колени, и положил свою голову на костлявые колени старушки.

– Бог простит, – ответила она, поглаживая мои волосы. – Я на тебя не в обиде, сам он виноват. Все равно бы его расстреляли, а сейчас хоть могилка рядом, есть где поплакать.

Я сам чуть не разрыдался и боялся поднять голову.

– Ты, наверно, к Афоне приехал? – спросила она. – Он уж заждался. Ступай, храни тебя Бог!

И она слегка оттолкнула меня. После пережитого я не мог сразу пойти к Афоньке и спустился в лог, где когда-то стояла отцовская кузница. Вместо нее сейчас раскачивались буйные заросли ивняка, и только один старый тополь возле тропинки напоминал о прошлом.

– Здравствуй, тополь! – сказал я, прижавшись к шершавой коре дерева. – Это я, Тимка. Помнишь, как мы с Афонькой лазали по тебе? Теперь, когда сняли тяжелый камень с моего сердца, я буду чаще заглядывать сюда. Теперь можно и к Афоньке идти. Нам с ним есть о чем поговорить.